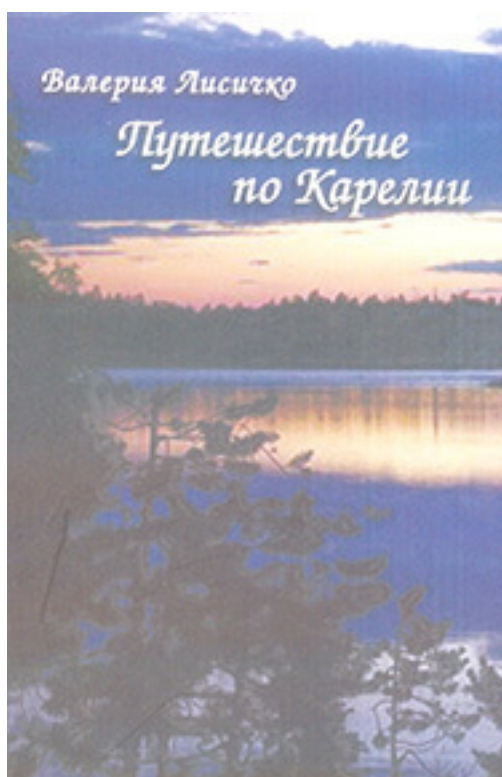

Валерия Лиситко

*Путешествие
по Карелии*

Валерия Лисичко

Путешествие по Карелии

Издательский дом «Сказочная дорога»

2015

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лисичко В. В.

Путешествие по Карелии / В. В. Лисичко — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2015

ISBN 978-5-4329-0074-6

Полная драматизма и приключений повесть рассказывает о путешествии в Карелию, загадочную и порой непредсказуемую. Итак, перед вами девять случайных путников. Хитросплетение карельских рек и безлюдье. Гребком за гребком – и каждый как будто становится ближе к самому себе. Но хватит ли у путешественников сил взглянуть в глаза собственному страху? И чего хочет от них и что таит в себе уставшая от одиночества Карелия?

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0074-6

© Лисичко В. В., 2015
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2015

Содержание

Дорога из радуги. Несколько слов об авторе	6
Путешествие по Карелии	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерия Лисичко

Путешествие по Карелии

© Лисичко В. В., 2015

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2015

Дорога из радуги. Несколько слов об авторе

Валерия Лисичко создаёт своеобразные волшебные миры. Они, с одной стороны, реальны, но в то же время сквозь полотно обычной жизни видится то сокрытое, что исподволь влияет на наши судьбы. Валерия словно заглядывает на изнаночную сторону бытия и воссоздаёт увиденное в своих текстах. Она «пробует на вкус» человеческие отношения, новые места и явления.

Четыре года подряд в летнее время Валерия путешествовала на байдарках и катамаранах по северным просторам нашей страны, во время сплавов прислушивалась к голосу Карелии, стремясь прочувствовать душу Края тысячи озёр.

Как автор, Валерия сложилась давно. Дебютная повесть «Тороно» вышла в 2010 году. Валерия показала себя как мистик и сказочница. За первой книгой последовала «Девственность», открывшая серию «Мистические истории», и ироничная история приключений «Одинокый отец с грудным ребёнком на руках снимет жильё. Чистоту и порядок гарантирую». Авторам свойственно замыкаться в себе, блуждать в собственном внутреннем мире. Нечуждо это и Валерии.

Но периоды интроверсии сменяются временем бурной активности, и тогда кажется, что жизнь писательницы – не череда чёрных и белых полос, а настоящая дорога из радуги, где красную полосу сменяет оранжевая, за ней – жёлтая, и так до самого горизонта.

В течение четырех лет Валерия успешно вела Литературный салон «Оранжевый мир», который отмечен медалью конкурса «Сеятели» как лучший в Москве. Валерия являлась куратором, организатором и членом жюри Московского поэтического конкурса «Золотые строки», по итогам которого был выпущен альманах с работами победителей. Творческие работы Валерии издавались в литературных альманахах, отмечены медалями и наградными знаками. Валерию приглашают на популярные площадки Москвы: «Гнездо Глухаря», ЦДК МАИ, библиотека искусств им. Боголюбова, литературно-музыкальное объединение «Избранники муз». Также Валерия состоит в Союзе писателей России (МГО СП) и в Союзе писателей XXI века.

Валерия уводит своего читателя в мир удивительных переживаний и приключений, где сплетаются уединение и человеческие отношения. В повести «Путешествие по Карелии» героям удаётся оставаться наедине с самими собой даже в моменты общения.

Путешествие по Карелии

Произведение не претендует на историческую, географическую и... достоверность.

Поезд шёл, набирая ход, ночной тайгой, когда хриплый вой полоснул по сердцу Таи. Она проснулась и прижала руку к гудящему солнечному сплетению. Девушка могла поклясться, что в тот момент, когда она проснулась, за окном меж деревьев блеснули волчьи глаза.

Волки смотрели на неё!

«Показалось?»

«Тук-дук-тук-дук» – равномерно стучали колёса.

Гриша на соседней полке похрапывал во сне. Встревоженной Тае храп напоминал рычание зверя.

«Может, ему снится, что он шаман? И сейчас танцует у костра в пятнистой шкуре, подражая движениям тотема? И зачем только она согласилась ехать с ним!?»

Тая закрыла глаза. В памяти плеснулись волны. Страх падения. И пустота, из которой, как казалось, проглядывало нечто влажное, знакомое, но что именно, сколько ни напрягала она память, не могла вспомнить.

Девушке стало душно. Захотелось пройтись, чтобы движением перемолоть мысли, тревогу, страх.

Тая вышла в тамбур, облокотилась на алюминиевый подоконник. Стена леса неслась мимо окна. И казалось, что бежит галопом, перепрыгивая холмы и низины именно лесная толща. Мысли цеплялись за ветки и улетали вместе со скрывающимися из поля зрения деревьями, выдувались ветром. Страх отступал.

Его заменяло странное аморфное состояние, когда время останавливается. И Таю накрывало изнутри рыхлым ватным одеялом. Так бы и завернуло с головой, если бы мужские руки уверенно не легли на её бёдра. Девушка обернулась – Гриша.

– Я тебя потерял, – сказал он.

Тая не ответила, нахмурилась и положила свои замёрзшие руки поверх его.

– А помнишь, – сказал он, – ты так же смотрела на степь из окна гостиницы, когда все поезда отменили и нам пришлось остаться в той глуши на неделю. Романтическая поездка затянулась.

Тая улыбнулась:

– Не знаю, зачем я поехала с тобой в этот поход. Тысячу лет в походах не была – а тут – на тебе!

– Всё хорошо, – он уткнулся носом в её шею и произнёс, обдавая горячим дыханием кожу: – Не бойся. Всё идёт своим чередом. Нельзя же всю жизнь, как в норе, отсиживаться.

Он потянул её за собой, назад к сбитым простыням плацкартных лежбищ, уложил к стеночке и лёг рядом, заслоня Таю от прохода, окна и случайных взглядов. Так она и уснула под тяжёлыми руками, за крепкой стеной мужского тела.

...Ранним утром, а как показалось многим – поздней ночью, Гриша разбудил свою разношёрстную команду. Просторы Севера ждали своих героев.

Сонные дядя Гена и тётя Настя поднялись первыми и отправились умываться. Их дочь, четырнадцатилетняя Иришка, поспешила за родителями.

Потом с трудом поднялся Марк, старшеклассник с широкими чертами лица. Он старался держаться бодрячком, но по его тяжёлым движениям было видно, что он – вяленая селёдка, а не бодрячок. Припухшие глаза выдавали бессонную ночь, проведённую в играх на телефоне.

За Марком ковылял Эд. Он, к своему несчастью, оказался жертвой игр Марка. Всю ночь Эд вертелся с боку на бок в надежде спрятаться от эмоциональных выпадов соседа снизу, ударявшего кулаком о кровать и периодически возглашавшего: «Ес!», «Щет!».

Над Таей спала начинающая художница Сонечка. Её пришлось будить дольше других. Она никак не могла проснуться, вяло смыкала припухшие веки и поворачивалась с боку на бок. Наконец босые ноги начинающей художницы свесились перед Таинным носом. Плюшевые штаны пижамы и байковая рубашка ярко-жёлтого цвета привлекали внимание пассажиров.

Тая поднялась, уклонившись в сторону, неприязненно поморщилась: «Более мерзкого цвета эта Соня не нашла».

Соня перевела взгляд с лесенки на пол, затем на соседнюю полку и опять на пол.

– Спускайся уже, – пробубнила Тая.

– Оу... – ответила Сонечка. – А как?

Гриша подоспел на помощь. Соня, как плюшевая игрушка, свалилась с верхней полки в его руки.

Он поставил её на ноги, встряхнул.

– В первый раз? – спросил он строго.

– Ага, – кивнула Соня.

Сам Гриша хоть и твёрдо стоял на ногах, но походил на человека сутки работавшего. Откуда-то пришёл Кирюха. Он щурился и потирал руки, как маленький бобрёнок. По всей видимости, он вообще не спал. Взмыленный, но довольный, он пошёл паковать вещи.

Станция встретила команду хмурым небом и мелким дождиком. Поезд двинулся дальше, оставив девятерых искателей приключений с горой поклажи на платформе.

– Последний островок цивилизации, – задумчиво сказала Соня.

Её взгляд летел по железнодорожным путям и упирался в небеса.

Рельсы нанизывали на себя городок – выхватывали его словно из пустоты. И растворялись в линии горизонта. Грозное небо оскалом облаков расплылось над путешественниками.

– Автобус подойдёт в лучшем случае через пару часов, – сказал Гриша.

– Осмотрим достопримечательности? – неуверенно предложила Соня.

Гриша кивнул. Тая, ковырявшая мыском ботинка землю, вздохнула.

– По одному не ходить! – скомандовал Гриша. – Кто присмотрит за поклажей?

– Мы, – вызвались дядя Гена и тётя Настя.

– Пошли? – обратился он к Тае.

– Я с вами, – выдохнула Сонечка и покраснела, опасаясь отказа.

Тая мельком глянула на дядю Гену и тётю Настю. Ей показалось, что здесь, под этим низким дождливым небом, они будто постарели, осунулись.

Тая быстро зашагала прочь по Гришиным следам. Подальше от парочки, порождающей печаль.

Город встретил троицу неприветливо: закрытыми дверями всех магазинов.

Центральная улица оказалась безлюдной, а под вывесками «Продукты», «Кафе-бар “Белая Чайка”», «Парикмахерская», «Ремонт» висели тяжёлые замки.

– С ума они, что ли, посходили!?! – возмутилась Тая.

– Я тоже сувениров хотела купить, – жалобно ответила ей Соня.

Гриша молча курил крепкие сигареты. Соня вспомнила, как на предподном собрании один из Гришиных знакомых звал его Табак. Тогда она подумала, что кличка всего лишь производное от фамилии Табаков.

Пугающая пустота города манила Соню. С одной стороны, боязно, с другой – до жути любопытно... Городская тишина была наполнена какими-то особыми звуками... Шуршание

лишья, свист ветра, медленно осыпающаяся кирпичная пыль – складывались в единый голос, и Соня прислушивалась, пытаясь разобрать, о чём говорит этот заброшенный городок.

На некоторых дверях висели графики работы заведений. Многие из них работали до полудня субботы. Остальные же предпочитали закрываться в 16:00 в пятницу.

Через дорогу Соня увидела вытянутое прямоугольником здание с маленькими широкими окошками. «Бассейн» – гласила вывеска.

Но многочисленные граффити на стенах и большой, насквозь проржавевший замок на двери говорили о том, что бассейн давно закрыт.

Примерно так же выглядело здание кинотеатра.

Обветшавшая рекламная вывеска приглашала гостей и жителей города на киносеанс, обещала незабываемые впечатления и неожиданные открытия.

– Зайдём? – предложила Соня.

– Рухнуть может, – предупредил Гриша.

– Я осторожно, к тому же я лёгкая, – ответила Соня.

– Я тоже загляну, – неожиданно заявила Тая.

– Только быстро! – отрезал Гриша.

Окна кинотеатра были заколочены досками. Соня стала искать щель между ними. Тая же, взявшись за одну из досок, одной ногой упёрлась в стену и стала дёргать доску на себя.

– Ну-ка, подвинься, – Гриша оттеснил Тая и сам выломал доску.

– Полезайте, – он кивком указал на образовавшуюся щель.

– Инициатор идёт первым, – Тая улыбнулась Соне острым треугольником губ.

Соня взобралась на выступ карниза, протиснулась в щель и нерешительно ступила на деревянный пол. Глаза быстро адаптировались к слабому свету, пробивавшемуся сквозь дыры в потолке. Из полумрака выступали своды арок и рельефы декоративных колонн.

Тая подняла голову: высокий свод тонул в темноте, с четырёх углов нависали массивные торсы титанов, подпиравших потолок.

Соня подумала, что в этом заброшенном здании стала чуть ближе старику-городу. Его голос здесь складывался в слова.

«Ррр-ри-ттш», – прошуршал сквозняк сухой ветошью по полу.

«Ту-туа-туа», – доносилось лягушачье урлыкание.

«Ри-ту», или «туа», – пыталась расшифровать Соня странный язык.

– Насмотрелись? – громко спросил Гриша с улицы.

Девушки переглянулись и ничего не ответили.

Каменная лестница с чугунными, обрамлёнными деревом перилами брала начало в центре просторной залы и взлетала вверх. Соня и Тая подошли к ней. Тая провела рукой по перилам и пошла на второй этаж.

– Удивительно, – сказала Тая, – что всю эту красоту не растащили и не продали и что она хранится здесь, как в сейфе.

– Томится, – поправила её Соня.

– Гниёт и разрушается, – с оттенком сожаления добавил Гриша, до которого эхо донесло девичий разговор.

Соня прошла в центр площадки второго этажа. Половицы под ней жалобно застонали.

Тая заметила, что сегменты витиеватых чугунных перил выломаны и площадка напоминает челюсть с выдернутыми зубами. Тая улыбнулась и смело шагнула за Соней.

– Жер-тва, – совсем по-человечьи каркнула ворона, пролетая над кинотеатром.

Только Тая не расслышала в вороньем карканье предупреждения.

– Постой, – попыталась остановить её Соня, в голове которой голос города наконец сложился в слово «ритуал».

Половица под Таиной ногой скрипнула и с треском провалилась. Чёрная пасть погибающего здания хотела проглотить полное жизни молодое тело девушки.

И Тая наверняка бы разбилась, если бы несколькими минутами раньше Гриша не решил вслед за спутницами забраться в старый кинотеатр. Он услышал, как застонал пол на втором этаже – верный признак слабеющего дерева.

Гриша ринулся наверх и сумел в прыжке оттолкнуть Таю от пропасти.

Медлительная Соня даже не успела отреагировать.

Тая сильно ударилась, потёрла плечо.

– Больно, – выдавила она, скривившись от боли.

– Крепче будешь, – сказал Гриша.

Тая опёрлась на здоровую руку и попыталась встать, но Гриша схватил её за капюшон толстовки.

– Даже не думай! – угрожающе сказал он. – Ползком к стене, там поднимешься. Нужно распределить давление веса на максимальную плоскость, а не сосредоточивать в двух точках ступней. Короче, ползком! Меньше шансов провалиться.

Он глянул на Соню:

– А ты что стоишь? Быстро к стене!

Соня от страха пискнула и затряслась. Осторожно, шажок за шажком, она пошла к стене, на всякий случай раскинув руки в стороны, словно акробат на тросе под куполом цирка.

Назад к щели троица шла вдоль стены небольшими шагами, друг за другом.

– У стен пол в последнюю очередь проваливается, – сказал Гриша.

...Улица встретила путешественников проливным дождём.

Соня почувствовала себя в безопасности. Она бросила взгляд на заброшенный кинотеатр. От этой махины исходила уже не угроза, а только усталость.

– Дождь проходит! – гаркнул Гриша и накинул капюшон дождевика.

Тая последовала его примеру.

Минут за десять троица добралась до станции. Остальная команда уже ждала их там. Иришка сидела на корточках у самого края платформы. Её длинные рыжие волосы кончиками липли к мокрой грязи. Она палочкой передвигала маленькие камешки к самому краю. Некоторые падали на шпалы, и Иришка провожала их недовольным взглядом.

«Интересно, куда смотрят её родители?» – подумала Соня.

– У вас дочь того и гляди под поезд скатится, – сказала Тая дяде Гене и тётке Насте.

Те увлечённо беседовали.

– Ой! – тётя Настя вздрогнула и осмотрелась в поисках Ириши.

– Да вот она, – подсказал супруге дядя Гена.

Тётя Настя подбежала к дочке, схватила за руку и оттащила от края платформы.

– Ирина! Что ты как маленькая!? Четырнадцать лет, а ума не прибавилось!

Марк, который обсуждал с Кирюхой спиннинги, гоготнул.

– Что ты там делала? – не унималась тётя Настя.

– Ты моих учеников без меня оставила, – выпалила Иришка и показала на камешки. –

Теперь они перестанут меня уважать. Я, между прочим, «двоечников» в пропасть скидывала, чтобы не портили класс!

Дождь пошёл сильнее.

Тётя Настя передала дочь дяде Гене для воспитательной беседы. Чем он и занялся: спокойным до занудства тоном стал объяснять Иришке, почему нельзя стоять на краю платформы.

– Погода проверяет нас на прочность, а выживет сильнейший, – негромко сказал Гриша.

Вскоре пришла машина. За ней – автобус.

Вещи покидали в грузовик, сверху закрепили брезент.

Несколько сумок не поместилось, их занесли в автобус. На одну из них приземлился Гриша, на другую – Марк.

И путешественники понеслись прочь от вымершего городка. Кучка странных людей предпочла кусачий ветер солнечному пляжу, дождь и холодные воды – морским пейзажам, пригоревшую еду с песком – приморским кафешкам, а тонкие стены палаток – номерам «люкс».

Дождь разошёлся не на шутку: стена воды разбивалась вдребезги о корпус автобуса, быстрыми струйками стекала вниз.

Соня испытала неприятное чувство при мысли, что придётся ставить палатку под таким дождём, а потом сидеть в четырёх мокрых стенах.

– Гриша, послушай, может, нам на денёк остаться здесь? Переждём дождь. А то в луже раскидывать палатку как-то совсем грустно.

– Нам ехать долго. Дождь закончится, – ответил Гриша.

Соня хотела ещё что-то сказать, но пока она собиралась с мыслями, Гриша подошёл к водителю грузовика и стал что-то ему объяснять. Водитель кивнул, хлопнул дверью, и машина тронулась.

Команда погрузилась в автобус.

Поехали.

Ухабистая дорога стала настоящим аттракционом.

Неожиданно дождь прекратился и из-за туч выглянуло солнышко.

Плотная стена леса по ту и по другую сторону дороги теперь выглядела празднично.

Вот деревья поредели и открылся вид на озеро: иссиня-чёрная вода сверкала в солнечных лучах. Будто грозди жемчуга рассыпались по волнам или поднялись с глубины, чтобы понежиться на солнышке.

Озеро перешло в поросшее камышом болотце, потом началась речка. Она ширилась по левую сторону от автобуса, пока резко не повернула и не преградила путешественникам путь.

Остановились. Водитель попросил всех выйти, мол, правила такие.

Берега реки соединял мост из наполненных воздухом баков.

Баки покачивались на волнах.

Автобус переехал мост вслед за гружёной машиной. Люди перешли его пешком: ввиду того, что конструкция моста хотя и была практичной, но не слишком надёжной, пассажиров обязывали покидать транспорт.

Мост откликался на каждый шаг.

Путешественники миновали мост и заняли места в автобусе.

Минут через пятнадцать быстрой езды автобус остановился. Соня вместе со всеми вышла из створок-дверей на улицу. К своему удивлению, она обнаружила, что перед ней совсем другой мир. В капсуле автобуса за слегка запотевшими окнами она видела лишь проплывающий мимо унылый пейзаж.

Стоило ступить на Карельскую землю, и мир прикоснулся к ней ароматами трав и душистым запахом воды.

Ей открылась панорама полутонов акварели: высокие стебли сухостоя, украшенные ажурными переплетениями хрустящих веток и редких шершавых лепестков, возвышались над островками салатной травы, которую разделяли проплешины чёрной земли. Бурые, алые, оранжевые, жёлтые мазки разнотравья давили своим обилием молодую сочную поросль.

Соне захотелось прикоснуться к ним, стать частью пейзажа. Она уже видела себя углубившейся в удивительную панораму и рисующей, рисующей, рисующей... Она взбежала на холм, подбежала к одному из высоких ажурных сухостоев и сорвала веточку с жёстким лепестком.

Она собиралась во время ближайшей остановки зарисовать увиденное и хотела увезти с собой талисман-вдохновитель.

Соня обернулась. Где команда? Мост покачивался на волнах. А вперёд убегала чистая дорога.

Огромная птица отбросила на землю гигантскую тень. Соня подняла голову и проводила её растерянным взглядом. Маленькая, напуганная девочка... Она отразилась чётким силуэтом в линзе соколиного глаза.

Автобус отапливался только во время движения. И за то время, пока он стоял, успел наполниться холодом. А таёжный холод – он особенный. Забирается под одежду и проникает сквозь свитера и термобельё. И пока ты им насквозь не пропитаешься, будет морозить, щипать и сманивать в сон. Зато когда привыкнешь, подружишься с ним, он станет неопасным. Можно в майке и шлёпках гулять часами, а холод беречь тебя будет.

Команда к таёжному холоду не привыкла. И всем хотелось только одного – скорее поехать.

Большинство пассажиров нахохлились, стараясь согреться. Да и водителя, жителя северного, холод стал обиженно покусывать. Поэтому, как только вошёл последний пассажир, водитель закрыл двери и дал по газам. Автобус, побряхтывая, подчинился и поехал в горку, за которой и скрылся через минуту.

– Сони нет, – сказала Тая Грише.

Гриша взглянул на Таю, затем осмотрел команду.

– Разворачивай автобус! – приказал Гриша водителю.

– Что за беда? – подал голос тот.

– Человек за бортом!

Члены команды ещё не успели друг друга запомнить и стали с интересом переглядываться.

– Девка, смазливая такая! – выпалил Марк. – Точно! Её нет. А если вдруг медведь или волчара?

– Помолчи! – хрипло приказал Гриша.

– Бе-бе-бе, – Марк скорчил рожу.

– О-о-о-о, – выдохнула тётя Настя, и её плечи опустились. – Не успели до места добраться, а уже...

– А уже потери, – прервал её оживившийся Кирюха. – На войне как на войне! – И заулыбался, довольный собой.

Соня ждала у моста. Она и не думала, что появление автобуса может вызвать такую радость! Горе-путешественница чувствовала себя виноватой.

Но и остальным членам команды было стыдно, что в погоне за теплом они чуть не потеряли человека. Только Марк почему-то веселился. Под его гнусавый гогот и глуповатое хихиканье Кирюхи Соня вернулась в автобус.

Несколько часов ехали, созерцая карельские пейзажи.

Автобус, дребезжа всеми частями своего металлического тела, затормозил. Двери открылись. Гриша вышел, а за ним и Тая. Остальные члены команды не торопились встретиться с таёжным холодом. Но делать нечего. Марк вытолкнул сопротивлявшегося Кирюху, за ними выскочили Иришка и худой парень, с которым Соня ещё не познакомилась. Выдохнув, вышли и дядя Гена с тётей Настей. Последней покинула автобус Сонечка.

У места остановки путешественников встречал импровизированный причал: деревянный настил, метров на сто уходящий в озеро.

У причала стояли моторные и деревянные лодки и три ржавые, с облупившейся краской, баржи.

Машина с вещами уже ждала путников.

Вещи разгрузили, и автобус с грузовиком уехали. По деловому общению Гриши с лысым мужиком, свесившимся с баржи, Соня поняла, что их дальнейший путь непосредственно будет связан с бортом этого малопривлекательного судна.

– Это корыто ещё на ходу? – удивился Марк.

Иришка подошла почти вплотную к худому парню и положила свою руку поверх его руки.

– Не бойся, – сказала она.

Худой парень кивнул. Соня заметила, что он дрожит.

Гриша замахал рукой, приглашая спутников на борт.

Лысый мужичок юркнул на капитанский мостик и закурил. Марк устало вздохнул и поплёлся к поклаже, которую предстояло перетаскать на баржу.

Погрузились. Отчалили. Баржа неплохо держалась на плаву. Путешественники обогнули огромный мыс, поросший приземистыми кустами и редкими деревьями.

– Это полуостров, или материк так выступает? – спросила тётя Настя.

– Остров Свиной, – ответил рулевой.

– Свиной? – переспросила она.

– Да. Говорят, там свинарники стояли. Я сам не видел. А слухи ходят: люди на этих свиньях неплохо разжились. Потом, правда, забить свиней пришлось, чтоб в колхозы не сдавать. Так и зачах, опустел остров.

– Гляньте-ка! – Иришка указала на макушки сосен.

– Что? – Кирюха ничего особенного не заметил.

– Да вон же! Маковка церкви!

– Раскольники, – пояснил Гриша. – Традиционно прятали свои святыни.

– Здесь часовенки и храмы на каждом острове, – охотно добавил рулевой. – Сами увидите.

Рябиновая россыпь церковных главок заполнила Сонину память. Юная путешественница вылавливала их цепким взглядом.

Через полтора часа баржа причалила к берегу.

Вещи выгрузили, и старое судно, скрипнув на прощание, ушло по блестящим бурым волнам. Баржа связывала остров с «большим миром».

Баржа скрылась, и каждый понял: остались только Я и Остров.

Гриша едким взглядом из-под косматых бровей окинул участников команды, как будто видел их впервые. Он, сотрудник социального центра, возглавляющий направление по походам и имеющий доступ к ресурсам с палатками, лодками и к бесплатной еде, уже и не помнил, сколько таких вот команд выводил на безлюдные северные просторы. Здесь он – ответственный, он – главный.

И неважно, что они собрались по объявлению на двери подъезда многоэтажного дома, где одну из квартир отдали под муниципальные нужды. И неважно, что на предварительном собрании он видел не всех, например с Соней до поездки общался только по телефону.

Объявление приглашало в спортивное путешествие по Северу России. Но что видел каждый за простым объявлением, Гриша сказать не мог. Возможно, романтику костров, когда можно всё, когда отголосками прошлого звучат запретные песни. Возможно, кто-то рассчитывал на экзотическую фото-сессию, которую на зависть френдам можно будет слить в социальную сеть и павлиниться пару недель, а то и месяцев. Возможно, кто-то хотел прикоснуться к сакральной тайне этого безлюдного мира.

Зато Гриша мог сказать за себя. Он знал: есть в этих местах что-то его, родное ему. Вот только из года в год, отправляясь в путешествия, он никак не мог этого найти. То ли тропами не теми шёл, то ли не туда смотрел.

Времени на размышления не было. В любую минуту мог начаться затяжной дождь. И тогда в несколько раз сложнее будет разбирать палатки, натягивать тент и разжигать костёр.

Семейство Смолиных – дядя Гена, тётя Настя и Иришка – со своей палаткой устроилось под раскидистой елью. С их холма открывался хороший вид на озеро с архипелагами островов. Темнота лесной глуши чёрным зрачком следила за гостями.

Гриша с Таей поставили палатку поглубже в лес.

Подростки – Эд, Марк и Кирилл – оказались в трёхместной палатке, выданной Гришей, и с трудом – в основном трудности возникли из-за препираний с Марком – установили её поближе к кромке воды, на песке.

Сонечка с Гришиной помощью поставила одноместную палатку под старой сосной. Далее мужская половина принялась за оборудование стола и кострища.

Сверху натянули тент. Теперь сидящие у костра или за столом были защищены от дождя. А стеной, защищавшей от ветра, стало старое полотно из брезента.

Лагерь установлен, а значит, пришло время отдыха.

Тётя Настя и дядя Гена сидели у костра и мирно беседовали. Они напоминали сердобольных домовых или духов – хранителей очага.

Тая решила посидеть на берегу. Нечто магическое скрывалось в плывущих над головой облаках, в холодном блеске волн и манящем мерцании глубины. Оказавшись вдали от людей – не только от шумного города, но и от тесного круга их маленькой команды, – Тая услышала звон внутренней пустоты.

Этот звук боялся людей и в их присутствии прятался, и Тая становилась радостной, болтливой, общительной, в общем – любой.

Но стоило скрыться от взглядов людей, шагнуть за черту общения, – и навязчивый звон настаивал её.

– Пивка хочешь? – рядом с ней прямо на песке растянулся Кирюха. В одной руке он держал банку пива, в другой – пакетик сухариков.

Звон спрятался в глубине.

– У нас «сухой» закон, если ты не в курсе, – сказала Тая, вспоминая долгие рассказы Гриши о бедах, которые случаются из-за алкоголя в путешествиях.

– Если бы я тебе не сказал – никто бы и не узнал. Если ты никому не скажешь, то никто и не узнает.

Тая зачерпнула сухариков и, закинув несколько штук в рот, захрустела ими.

– А вообще, как жизнь? – спросил Кирюха.

Пустота умолкла и затаилась на дне Тайной души.

Гриша объявил дежурными дядю Гену и тётю Настю.

Они взялись за приготовление ужина: гречки с тушёной.

После ужина команда собралась вокруг костра. Светлое небо улыбалось путникам сквозь хвою ветвей.

– Бесконечный день, – сказала тётя Настя. – Сколько же времени?

– Час ночи, – ответил Гриша.

– Как? Уже? – всполошилась она.

– Наслаждайся – белые ночи. Завтра – стемнеет. А к середине нашего путешествия ночь будет подбираться к нам до ужина, – дядя Гена приобнял супругу.

Тая поцеловала Гришу в щетинистую щёку и склонила голову ему на плечо.

В этот момент Соня поняла, что Гриша с Таей – вместе и что отношения их сложились уже давно, странные, незаметные для чужого глаза.

Ей стало неуютно, словно она подглядывает в случайно приоткрывшуюся дверь, смотрит на то, что ей видеть не полагается.

«Странные отношения», – подумала Соня. Она почувствовала усталость. Обилие впечатлений требовало их тщательной переработки в состоянии покоя. И юная художница отправилась спать.

Утро следующего дня началось для Сони со скрежета «молнии». Ещё не открыв глаз, девушка поняла, что вход в палатку расстёгивают.

Она открыла глаза и крикнула:

– Кто там?!

– Это я, – ответил женский голос.

– Кто «я?!» – не успокоилась Соня.

– Иришка. Не узнала, что ли?

Наружная «молния» звякнула у ног, и Иришка зашла в предбанник – небольшое пространство, предваряющее спальное место. Там Соня оставила вещи и обувь.

Внутренняя «молния» лязгнула, и голова с грязными рыжими волосами просунулась в образовавшееся отверстие.

– У тебя ложки моей нет? – спросила Иришка.

– Что? – вылупилась на неё Соня.

– Ну, моей, столовой... А то чем я завтракать буду?

– Откуда? – Соня неприязненно поморщилась.

– Я тогда посмотрю? Ладно? – с этими словами Иришка дорасстегнула «молнию» и шагнула внутрь, на одеяло.

Сырой песок с шерстяных Иришкиных носков обвалился на спальник.

– Ну-ка, выходи! – взвизгнула Соня.

– Почему? – Иришка надула губы. – Зачем же сразу кричать?

– Выйди в своих грязных носках, – более спокойно сказала Соня.

– Они негрязные, – возразила Иришка.

– Они все в песке, – Соня брезгливо поморщилась.

– Да я только тут в них ходила, – Иришка указала на предбанник.

– Выходи и больше никогда не заходи сюда! Слышишь? – выпалила Соня, теряя самообладание и чувствуя, как нарастает в ней волна отвращения.

– Посуда – не твоя собственность... Значит, ложку ты украла. Воришка.

– Да что же это за ребёнок!? – взмахнула руками Соня. – Ну не брала я твою ложку!

– Честно?

– Честно.

Иришка застегнула внутреннюю «молнию» и вышла.

Соня услышала, как прожужжала наружная «молния». Она стряхнула песок с одеяла под походную пенку и забралась поглубже в спальник.

Дождь и ветер бушевали снаружи.

«И охота рыжей малявке в такую погоду вылезать из палатки?» – думала Соня. Ей даже нос казать наружу не хотелось.

Ветер доносил до Сони бурчание Эда. Тот, кутаясь в спальник, философствовал о том, что поклонение дождю и ветру не такая уж и глупая затея. А вдруг и вправду погода изменится, стоит только признать её силу над человеком?

Все новички в области северного туризма были уверены в том, что Гриша отменит тренировку. Но их ждало горькое разочарование, когда после завтрака (завтрак прошёл под заблаговременно натянутым тентом, при этом каждый участник надел на себя всё самое тёплое) Гриша объявил о том, что сейчас пройдут первые учения.

Послышались возгласы протеста. Ириша, Марк, Кирюха, Эд и даже тётя Настя с дядей Геней были против. Тая соблюдала молчаливый нейтралитет. Гриша по одному её взгляду понял, что молчит она только потому, что не желает вставать к нему в оппозицию.

Неожиданно его сторону приняла Сонечка. Она и до этого что-то пыталась сказать, но её голос смешивался с остальными.

– Я приехала сюда, чтобы узнать что-то новое. Раз Гриша говорит, что идти можно и тренироваться можно и что новички справятся, – я ему верю.

Её слова вызвали ответную волну возмущения. Тем не менее противостояние дало трещину. Следующей «сломалась» Иришка, за ней – Эд. Тётя Настя держалась до последнего. Она, как никогда, верила в свою правоту. Муж преданно поддерживал её. Двое против семи. Сражение проиграно. И тётя Настя сдалась.

Тренировка представляла собой краткое объяснение поведения на катамаране и обязанности каждого из команды. На суше Гриша показал, как обращаться с веслом, как заходить на катамаран и пристёгивать страховку.

Судно спустили на воду.

Волны играли им, как игрушкой.

– Гребите! – скомандовал Гриша.

Каждый гребок удалял экипаж от берега. Мрачное молчание владело командой. Эд неприязненно морщился, когда брызги воды с весла попадали на его одежду. Холодные пятна влаги расползались по ткани, хлюпали в ботинках.

А Соня смеялась, когда янтарные волны перехлёстывали через баллон катамарана и накрывали колени. Игра с водой веселила её. Вода пенилась за бортом, и Соня с удовольствием вдыхала камфорный запах студёных вод.

Команда училась грести, рулить, разворачиваться.

Мышцы разработались, налились тяжестью.

Эд уныло глянул в глубь тёмных вод и вздохнул. Гребок за гребком.

«Сколько ещё может длиться тренировка?» – мрачно думал юноша.

Марк залихватски толкал веслом воду. Ему нравилось, как играют мышцы. Вода каплями стекала по широким скулам.

Марк – сын небогатых родителей: учителя физики в школе и воспитательницы в детском саду. Сестра – года на три младше, но это отдельный разговор. Марк знал, что его семья интеллигентна и добропорядочна. Родители всегда доброжелательны, вежливы, как деревянные болванчики, как ненастоящие. Будто не люди, а пустой фантик, в который забыли положить конфету. Их жизнь – блёклая, пресная, состоящая из срисованных под копирку дней – пугала Марка. Он-то знал, что есть в мире настоящая жизнь: острая, сладкая, как на краю лезвия. Такая жизнь может быть только во всепоглощающей страсти к власти. Любовь, ненависть – чувства бледные по сравнению с чувством упоительной власти.

Гребок, ещё гребок. Тело налилось силой. Настоящий властелин силён и телом и духом. Он – Марк – настоящий. А его родители – нет. Наверное, поэтому они такие хрупкие. И Марк берёт их как умел. А ещё в Марке жил страх. Парень знал, что у его страсти есть и обратная сторона – когда власть берут над тобой.

Ещё гребок и ещё. Марк подчинял только слабых. Тех, с кем даже бороться не нужно. Устроить засаду, выждать жертву... И делать с попавшимся всё что угодно. Главное – чтоб никто не увидел, никто не узнал. Некому тогда будет и осудить.

– Хорошо! После обеда пойдем на остров! – наконец объявил Гриша.

Дождь в одно мгновение – как по щелчку пальцев – прекратился. И выглянуло улыбочное солнышко.

Свободное время пролетело незаметно. Во время обеда Иришка обнаружила, что потеряла серёжку. Она долго искала её, ползая по земле.

– Нестрашно, – попытался подбодрить дочку дядя Гена. – Приедем, купим тебе другие.

– Не нужны мне другие! – разревелась Иришка. – Мне мои нужны. Я их ни на какие другие не променяю.

– Да ты их просто съела, хряк, – сказал ей Марк.

– Ты уверен? – Иришка сложила руки на животе.

– А то! – недобрая улыбка исказила его губы.

Он выбрал себе жертву. И теперь только ждал возможности показать ей свою власть.

– Помоги катамараны на воду спустить и объяви остальным, что мы выходим, – сказал Гриша Марку.

Четверть часа спустя два катамарана отчалили от берега. Тётя Настя и дядя Гена махали путникам руками – они остались сторожить лагерь.

Над островом громоздились плотные белые облака. Будто взбитое тесто, нависали они над верхушками деревьев. Могучие стволы терялись под мощью небесного свода. Деревца напоминали игрушки, вырезанные из картона и вклеенные в детскую книжку.

Эд мягко опускал весло во вспененную от Кирюхиного гребка воду и смотрел, как волна катится вдоль корпуса катамарана. Проводив волну взглядом, он делал следующий, несильный, гребок.

Гриша решил сэкономить время и не идти в обход большого острова, поэтому их путь пролегал через болотистый перешеек.

– Осторожнее, быстро не гребите, – предупредил он, поравнявшись со вторым катамараном. – Эти места нужно проходить не торопясь.

– Чтобы не разбудить водяного? – спросил Кирюха, пытаясь подавить улыбку.

– Чщ-щ-щ, – зашипела на Кирюху Иришка. – Не буди водных духов и не надсмехайся.

Гриша серьёзно посмотрел на парня:

– Ириша права. Не стоит шутить со стихией.

Катамаран Гриши пошёл вперёд.

Перешеек, в котором сохранялось слабое течение, только начал зарастать. Тонкие салатные травинки тянулись от илистого дна и нерешительно выглядывали на поверхность.

Эд осторожно касался воды. Ему казалось, вот-вот, и болото втянет в себя весло. Мимо проплывали жёлтые кувшинки. В полуметре от катамарана сверкнула короной белоснежная водяная лилия. Эду стало интересно, видит ли открывшуюся ему красоту Ириша.

Та же не обращала внимания на водную Белоснежку. Марк, сидевший перед ней, скинул верхнюю одежду, и девичьему взгляду открылся его торс.

Марка одолевала идея первенства. И, несмотря на распоряжение Гриши, он грёб изо всех сил.

Ириша не могла оторвать от него взгляда: она смотрела и смотрела, как играют мускулы Марка. Он сопровождал свои гребки высокопарными словами о победе и первенстве, о том, что он «держит» всю школу «во где!», и о бесконечных потасовках. Ириша ловила каждое его слово.

Болотистый перешеек закончился. Взгляду открылась рябая от встречного ветра поверхность воды.

– Вон виднеется наш остров, – Гриша указал на небольшое пятно вдалеке.

Члены экипажа тяжело вздохнули, и только Марк, издав ликующий вопль, принялся гребсти с двойным усердием.

Каждому хотелось поскорее ступить на землю. Руки с непривычки болели, спины ныли.

Экипажи выкладывались по полной, но, казалось, не приближались к острову.

– Мы стоим на месте! – с яростью взвыл Марк, «вскапывающий» веслом воду.

– Гребь, – ответил Гриша.

У остальных членов экипажа не осталось сил, чтобы хоть что-то сказать.

Спустя полчаса усердной гребли остров стал приближаться.

Мелькнул золотом песчаный пляж и тут же спрятался за стенами камыша, что почётным караулом высился с двух сторон от пляжа.

Остров шёл полукругом и по форме напоминал подкову.

Катамараны мягко вышли на золотистый песок.

Соня с облегчением вздохнула.

– Тридцать минут свободного времени, – распорядился Гриша. – Потом собираемся, перекус готовим. Если вдруг дождь начнётся – под тентом укроемся, переждём. По одному не ходить – только парами. Не теряться.

Команда разбрелась по острову. Соня направилась в лес. У неё в кармане лежал блокнот и карандаши. Ириша поспешила за ней, приговаривая о пользе сбора ягод и о том, сколько они вдвоём соберут их за полчаса.

– Меня родители бьют, – жалобно сказала Иришка, её глаза увлажнились. – А всем всё равно, – добавила она, всхлипнув.

Соня смутилась. Когда Иришка увязалась за ней, художница решила просто не обращать на неё внимания. Теперь ей стало стыдно.

– Бьют? – переспросила Соня.

– Ага! – радостно ответила Иришка. – Больно-больно.

– Почему тогда ты так радуешься?

– Я... Ты со мной снова говоришь. Мне нравится, – Иришка замялась.

– И как тебя бьют? – спросила Соня строго.

– Никто не бьёт меня. Это я просто так сказала.

Марк шёл на некотором расстоянии от девушек. Он слушал их разговор. Он выжидал. И он, конечно, заметил, когда Иришка попросила Соню подождать её и побежала в заросли дикой малины. Иришка вслух рассуждала о собственной неловкости и спрашивала себя, как могла проглотить любимую серёжку.

Соня фыркнула и пошла вперёд. А Марк последовал за Иришкой. Предвкушение власти манило. «Сейчас она попадётся!» В кармане лежала Иришкина ложка, и об неё позвякивала серьга. Ночью Марк от нечего делать стащил Иришкину ложку. А незадолго до обеда обнаружил в траве её серёжку.

Иришка сидела на корточках и ковыряла палочкой свои какашки в поисках серёжки, когда услышала шаги позади себя. Обернулась – Марк. Он стоял и нагло улыбался, смотрел на неё сверху вниз.

– Поднимись.

Она послушно встала. Перед ним она робела.

Он толкнул её, и она спиной прислонилась к стволу массивной сосны. Он положил руку ей на шею и поцеловал, грубо, в губы. Иришка вздрогнула и ответила на поцелуй.

Марк заржал и оттолкнул её. Она упала на землю и больно ударилась.

– Дура! – бросил он ей, фыркнув.

Марк достал из кармана серьгу и кинул Иришке, как в фильмах бросают монеты дешёвым проституткам, пнул девчущку и ушёл. Её унижение доставило Марку удовольствие.

Он, окрылённый собственным успехом, шёл вдоль берега. Птицы с любопытством слушали песенку, которую он насвистывал. Меж деревьев Марк заметил обнажённую девушку.

«Тая», – догадался он.

Но Тая – зверь опасный. С ней лучше не шутить.

Марк осторожно, чтобы Тая не заметила, отошёл и повернул к катамаранам.

Он не видел, как её босые ноги ступили на скользкие камни. Их обожгла холодная вода. Тая поёжилась и инстинктивно втянула голову в плечи. Струйки «пламени» взлетели от пят к коленям, обожгли икры...

Тая оттолкнулась от дна и поплыла. Весь мир пропал для неё, исчез, а пустоту заполнил тот мир, что прятался внутри неё самой. Тая наслаждалась преображённым пейзажем. А её внутренний мир, вырвавшись наружу, разворачивался, захватывая всё больше пространства, и она плыла, каждым движением возвращаясь в себя. Тая закрыла глаза: на маленьком пустом острове на камнях сидела девочка.

Тем временем Эд понял, что остался один. Он тайком порадовался этому. Теперь никто не отвлекал его глупыми разговорами, не разглядывал его втихаря от скуки. Он побрёл вдоль берега по песчаной кромке, далее – по россыпи камешков-слёз. Волны перебирали их. В очередной раз волна накрыла берег, лизнув резиновые сапоги Эда, и его взгляду открылся маленький патрон.

Он наклонился, поднял находку, повертел в руках: нестреляный, проржавел и покрылся зелёной слизью. Эд осмотрелся. Опустил патрон в карман. В глазах его сверкнули искры, тело налилось энергией, и он почувствовал внутреннюю тягу: пошёл меж кустарников, через глубокие, по грудь, канавы. Стоп! Внимательный взгляд. Ничего особенного?

Внутреннее волнение возросло. Всё же что-то пряталось здесь, меж изъеденных мхом деревьев, под слоем листвы и хвои, в густых зарослях багульника или под стройным станом пижмы...

Нашёл! Узкая щель в основании пригорка.

Эд ринулся к ней, раскопал руками. Крышка? Раскидал почву и корни... Земля забилась под ногти, въелась в кожу. Нет, не крышка – люк.

Эд не захотел останавливаться. Остров открывал ему, обычному шестнадцатилетнему парню, своё сокровище, доверял тайну...

Эд ухватился за ручку. Ржавый механизм сдался не сразу, но сдался. Могильным холодом повеяло из чёрной подземной норы.

Эд вздрогнул, ему вдруг стало страшно. Холод пробрал его до костей. Эд отошёл. Он чувствовал на себе пристальный взгляд.

Только чей? Его проверяют? Нет, он не хотел видеть того, что прячется в старом бункере. И Эд побежал...

Когда команда погрузилась на катамараны, когда вёсла впились в илистое дно, когда Тая бросила прощальный взгляд на остров-подкову и мысленно сказала ему «до свидания», остров наблюдал за ними.

Сокровищем сохранил остров свой тайный бункер и первый поцелуй рыжей девочки.

Эд грёб с двойным усердием – он никому не сказал о находке. Он хотел как можно скорее уплыть, убежать... Всю дорогу ему мерещилось, что руки его в чёрной земле, что он так и не отмыл их после бегства. И что земля стекает с них ржавыми каплями крови. Он окунал кисти рук в воду, но страх не проходил.

Тот, с кем Эд столкнулся на острове, теперь улыбался ему в спину.

Катамараны причалили к родным берегам, когда окончательно стемнело и небо заволкли чёрные тучи. Они гудели и ворчали.

– Вот тебе и белые ночи! – с сожалением сказала Соня, ступив на берег.

Казалось, напряжение сгустилось настолько, что небо вот-вот треснет или расколется на части. А оно вместо этого продолжало гудеть.

Эд спешно слез с катамарана. Оказавшись на берегу, он обернулся и внимательно посмотрел на воду. Острова видно не было. И Эду стало стыдно, что он испугался какой-то глупости.

Эд даже себе не мог объяснить, чего именно испугался. Он посмотрел на свои пальцы – чистые, без крупинки грязи.

«Да что это со мной?» – подумал Эд.

– Как раз к ужину! – услышали прибывшие добродушный голос дяди Гены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.